

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СОКОВНИН против РОССИИ»

(жалоба № 3627/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

5 марта 2019 года

Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Соковнин против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Комитетом в составе:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Йолин Схёккинг, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 5 февраля 2019 года

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 3627/07), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту – «Конвенция») гражданином Российской Федерации Соковниным Андреем Михайловичем (далее по тексту – «заявитель») 10 ноября 2006 года.

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее по тексту — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что он подвергся жестокому обращению во время его задержания 18 марта 2006 года, во время перевода из г. Екатеринбурга в г. Нижний Тагил 27 марта 2006 года и во время нахождения под стражей в период с 14 апреля по 6 сентября 2006 года, и что внутригосударственные органы власти не провели эффективного расследования. Он также жаловался на то, что его содержание под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года являлось незаконным, что он не был своевременно проинформирован о причинах его задержания и о предъявленных ему обвинениях, а также не предстал перед судьей и не имел возможности добиться судебного пересмотра его содержания под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года. Наконец, заявитель жаловался на то, что он не был своевременно проинформирован о характере и причине предъявленного ему обвинения и что это повлияло на его подготовку к защите.

4. 26 сентября 2012 года вышеуказанные жалобы были коммуницированы властям в соответствии со статьями 3, 5 и 6 Конвенции.

5. В период с 2013 года по 2015 год заявитель также жаловался на вмешательство тюремной администрации властей в его переписку с Судом.

6. 8 февраля 2016 года Председатель Секции решил в соответствии с подпунктом «с» пункта 2 статьи 54 Регламента Европейского Суда предложить сторонам представить дополнительные письменные замечания по вопросу приемлемости и по существу жалобы на предполагаемые нарушения статей 8 и 34 Конвенции.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель, 1969 года рождения, отбывает наказание в виде лишения свободы в г. Тавда Свердловской области.

A. Задержание заявителя, его содержание под стражей и уголовное судопроизводство в его отношении

8. 22 сентября 2000 года было возбуждено уголовное дело по факту убийства и грабежа, совершенных в марте 1999 года.

9. 2 октября 2000 года следователь Б. из Дзержинской районной прокуратуры г. Нижнего Тагила (далее по тексту — «районная прокуратура») решил вызвать заявителя для участия в производстве по уголовному делу в качестве подозреваемого и заключить его под стражу. Он принял во внимание тяжесть предъявленных ему обвинений и угрозу того, что заявитель может воспрепятствовать установлению истины по делу. В утвержденном прокурором постановлении о заключении под стражу не указывался конкретный срок, но содержалась ссылка на статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которая предусматривала, что первоначальный срок содержания под стражей в ходе расследования уголовного дела не должен превышать двух месяцев (см. пункт 72 ниже).

10. В тот же заявитель был объявлен в розыск, поскольку его местонахождение установить не удалось.

11. Заявитель был задержан в ночь с 18 на 19 марта 2006 года.

12. 19 марта 2006 года он был доставлен в отделение милиции, где ему сообщили, что он находится в розыске в качестве подозреваемого в связи с убийством, совершенным в Нижнем Тагиле.

13. 27 апреля 2006 года следователь уведомил заявителя о постановлении от 2 октября 2000 года и назначил для его защиты бесплатного адвоката Н. На проведенном в тот же день допросе

заявитель подтвердил, что он понимает суть предъявленных ему обвинений.

14. Между тем, 25 апреля 2006 года заявитель подал жалобу на следователя в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (которая предусматривает судебный пересмотр решений следователей, которые могут нарушить конституционные права участников производства или предотвратить доступ лица к суду), оспаривая законность его задержания, которое не было произведено в отсутствие судебного решения, и жалуясь на тот факт, что следователь не предъявил ему обвинение в течение установленного срока.

15. 23 мая 2006 года Дзержинский районный суд г. Нижнего Тагила (далее по тексту — «районный суд») отклонил жалобу заявителя. Суд установил, что заявитель был задержан в соответствии с законом и был проинформирован о предъявленных ему обвинениях, как только он был доставлен к следователю 27 апреля 2006 года.

16. 7 июля 2006 года Свердловский областной суд (далее по тексту — «областной суд») прекратил производство по апелляционной жалобе на решение от 23 мая 2006 года. Областной суд постановил, что статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не допускает судебного пересмотра вопросов, связанных с задержанием или содержанием под стражей.

17. Тем временем, 18 мая 2006 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 18 июля 2006 года. Районный суд установил, что основания для содержания заявителя под стражей все еще существуют и что существует угроза того, что заявитель может скрыться в ходе расследования или судебного разбирательства, поскольку до его задержания он несколько лет находился в розыске.

18. 16 июня 2006 года областной суд оставил это постановление в силе по апелляции, поданной заявителем.

19. 17 июля 2006 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 24 августа 2006 года по тем же основаниям.

20. 16 августа 2006 года областной суд оставил в силе вышеупомянутое постановление о продлении срока содержания под стражей, отметив, что тот факт, что первоначальное постановление о задержании было вынесено следователем в 2000 году, значения не имеет. Он сослался на тот факт, что до вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в июле 2002 года прокурор имел законное право издавать постановления о задержании в рамках уголовного дела.

21. 24 августа 2006 года районный суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей до 18 сентября 2006 года. Районный суд счел, что основания для содержания под стражей не перестали существовать.

22. Тем временем, 4 августа 2006 г. предъявленные заявителю обвинения были изменены. На проведенном в тот же день допросе заявитель подтвердил, что он понимает суть предъявленных ему обвинений.

23. 31 августа 2006 года заявитель был ознакомлен с материалами уголовного дела, состоявшего из трех томов.

24. 5 сентября 2006 года заявителю было предоставлено обвинительное заключение, и дело было передано на рассмотрение в областной суд.

25. 2 ноября 2006 года областной суд признал заявителя виновным в ограблении и убийстве и приговорил его к двадцати годам лишения свободы.

26. 16 апреля 2007 года Верховный Суд РФ оставил приговор без изменений по апелляции.

Б. Предполагаемое жестокое обращение и расследование

1. Предполагаемое жестокое обращение в ходе задержания заявителя 18 марта 2006 года

27. 18 марта 2006 года сожительница заявителя Т. сообщила милиции о том, что заявитель находится в розыске с 2000 года, и передала информацию о его местонахождении. Она дала сотрудникам милиции ключи от квартиры заявителя и предупредила, что обычно он носит с собой нож и бритвенное лезвие.

28. В тот же день сотрудники отряда милиции особого назначения Главного управления МВД России по Пермскому краю (далее по тексту — «ОМОН») и следователи из отдела внутренних дел Свердловского района г. Перми спланировали операцию по задержанию заявителя.

29. В 23:30 сотрудники ОМОНа и следователи (всего девять сотрудников) вошли в квартиру заявителя, чтобы задержать его. По их словам, когда они прокричали, что они являются сотрудниками милиции, заявитель попытался достать сумку, в которой находилось лезвие бритвы. Сотрудники милиции повалили заявителя на пол и надели на него наручники. По словам заявителя, когда сотрудники милиции вошли в комнату, в которой он спал, они сразу же свалили его на пол и начали бить его ногами и прикладами.

30. 19 марта 2006 года заявитель был доставлен в отделение милиции, а оттуда в Следственный изолятор г. Перми № 59/1 (далее по тексту — «Пермский СИЗО-1»). Из протокола медицинского освидетельствования заявителя, составленного в следственном изоляторе, следует, что заявитель жаловался на сильную боль в левой части груди. У него были обнаружены небольшие ссадины и гематомы диаметром до четырех см. в области лица, на голове, груди, спине и

бедрах, а также болезненные ощущения при пальпации левых ребер. Был поставлен предварительный диагноз — перелом ребер.

31. В 04:25 того же дня заявитель был осмотрен врачами в отделении скорой помощи Пермской городской больницы № 1. У него была обнаружена травма грудной клетки и перелом ребра с левой стороны. В заключении отделения скорой помощи, направленном в милицию в тот же день, говорится, что телесные повреждения были нанесены сотрудниками милиции во время задержания. Заявитель был направлен в Пермскую областную больницу.

32. В 05:10 того же дня заявитель был доставлен в Пермскую областную больницу, где была проведена рентгенография, которая выявила переломы восьмого и девятого ребер с левой стороны. В больнице заявитель объяснил, что он получил эти травмы 18 марта 2006 года, когда он упал на улице. На переломы была наложена повязка, и было решено, что состояние здоровья заявителя позволяет содержать его под стражей.

33. 20 марта 2006 года заявитель был переведен в СИЗО-3 г. Нижнего Тагила транзитом через Следственный изолятор г. Екатеринбурга № 66/1 (далее по тексту — «СИЗО-1 г. Екатеринбурга»).

34. В период с 19 марта по 4 апреля 2006 года сотрудники ОМОНа провели внутреннее расследование по факту инцидента. Применение к заявителю силы и специальных средств (наручников) было признано законным.

35. 21 марта 2006 года в ходе медицинского освидетельствования в СИЗО-1 г. Екатеринбурга заявителю был поставлен диагноз: перелом восьмого и девятого ребер с левой стороны. Он подал начальнику СИЗО-1 письменное заявление о том, что эти травмы были нанесены сотрудниками милиции во время его задержания в г. Перми.

36. 29 марта 2006 года заявитель обратился к прокурору г. Нижнего Тагила с жалобой на жестокое обращение во время задержания. 31 марта 2006 года его жалоба была направлена в Свердловскую районную прокуратуру г. Перми (далее по тексту - «районная прокуратура»).

37. 17 апреля 2006 года следователь районной прокуратуры отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников, участвовавших в задержании заявителя, заявив, что в их действия не было выявлено состава преступления. Следователь главным образом опирался на показания этих сотрудников. Он пришел к выводу о том, что действия сотрудников милиции в ходе задержания были законными. Следователь сослался на статьи 13 и 14 Федерального закона «О милиции», в которых предусматривалось, что сотрудники милиции могут применять физическую силу при задержании лица, совершившего преступление и не подчиняющегося законным требованиям сотрудников милиции. В тексте этого решения

содержалось объяснение заявителя о том, что после задержания 19 марта 2006 года он был доставлен в отделение милиции, где ему сообщили, что он находится в розыске по подозрению в убийстве, совершенном в Нижнем Тагиле.

38. После поступления в органы власти жалобы на жестокое обращение (см. пункт 4 выше) 5 декабря 2012 года исполняющий обязанности прокурора Пермского края отменил решение от 17 апреля 2006 года, установив, что доследственная проверка была неполноценной.

39. 12 декабря 2012 года следователь из Свердловского районного следственного управления Следственного комитета по г. Перми возбудил уголовное дело по утверждениям заявителя о жестоком обращении во время его задержания.

40. 12 февраля 2013 года заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу. На следующий день он был допрошен.

41. Следователи установили и допросили свидетелей, в том числе соседей заявителя в г. Перми и врачей, участвовавших в его медицинском освидетельствовании в Пермской областной больнице 19 марта 2006 года. Сотрудники милиции настаивали на том, что они не избивали заявителя. Они предположили, что он мог пораниться, когда пытался достать лезвие во время задержания. Два врача из Пермской областной больницы утверждали, что во время освидетельствования заявителя он объяснил, что его телесные повреждения стали результатом падения за день до задержания. Была назначена судебно-медицинская экспертиза.

42. В своем заключении от 15 февраля 2013 года медицинские эксперты пришли к выводу о том, что на основании имеющихся документов они не могли установить время, когда у заявителя были сломаны ребра.

43. Свидетель Т. (один из сотрудников милиции) также утверждал, что во время задержания заявитель не подчинялся законным требованиям сотрудников милиции и попытался достать бритву из своей сумки. Затем Т. сделал подсечку, чтобы свалить заявителя на пол. В падении заявитель ударился левой стороной тела о стул. Заявитель упал на пол левой стороной и начал использовать нецензурную брань. В этот момент сотрудники милиции прижали его к полу и перекатали на живот.

44. В дополнительном заключении экспертизы от 30 апреля 2013 года также указывалось, что время нанесения телесных повреждений установить невозможно. Ребра заявителя могли быть сломаны либо в результате удара твердым тупым предметом (предметами), либо при описанных Т. обстоятельствах.

45. 12 июня 2013 года следователь прекратил производство по уголовному делу в связи с отсутствием в действиях сотрудников милиции состава преступления. Следователь пришел к выводу, что

телесные повреждения заявителя могли возникнуть в результате действий сотрудников милиции в ходе его задержания, либо при других обстоятельствах, предшествовавших задержанию. Он, в частности, отметил, что в областной больнице заявитель объяснил, что получил травмы, когда упал на улице 18 марта 2006 года. Следователь опирался на выводы медицинских экспертов о том, что установить время нанесения телесных повреждений не представляется возможным. Следователь также установил, что применение силы и специальных средств в отношении заявителя было законным и оправданным: было известно, что заявитель имел нож и бритвенное лезвие, и когда ему приказали сдаться, он пытался достать сумку, в которой находились нож и лезвие. Таким образом, даже если заявитель получил телесные повреждения в ходе его задержания, в действиях сотрудников милиции отсутствовал состав преступления.

46. 26 июня 2013 года старший следователь отдела по расследованию особо важных дел Следственного комитета по Пермскому краю признал решение от 12 июня 2013 года законным и обоснованным. Он пришел к выводу, что телесные повреждения заявителя, скорее всего, были нанесены заявителю сотрудниками милиции во время задержания. Однако, поскольку заявитель оказал сотрудникам милиции сопротивление, и у них имелась информация о том, что он имеет при себе нож и бритвенное лезвие, применение сотрудниками милиции силы (подсечка) и наручников было законным, и в их действиях отсутствовал состав преступления.

47. По словам заявителя, он узнал о прекращении производства по уголовному делу из замечаний властей. 6 июля 2016 года он написал прокурору Пермской области письмо с просьбой возобновить расследование уголовного дела. В августе 2016 года его просьба была отклонена.

2. Предполагаемое жестокое обращение во время перевода заявителя в г. Нижний Тагил

48. 23 марта 2006 года заявитель был доставлен поездом из СИЗО-1 г. Перми в СИЗО-1 г. Екатеринбурга.

49. По словам заявителя, 27 марта 2006 года, когда его перевозили из Екатеринбургского СИЗО-1 в СИЗО-3 г. Нижнего Тагила, его избili два конвоира, что привело его к попытке самоубийства, порезав правое запястье бритвой.

50. По прибытии в Нижний Тагил 28 марта 2006 года заявитель был доставлен в медицинское учреждение ЛИУ-51. В медицинской справке, выданной ЛИУ-51 в тот же день, указывается, что у заявителя имеются порез на правом предплечье, гематомы на груди и левом бедре, а также переломы восьмого и девятого ребер; все эти телесные повреждения были получены 19 марта 2006 года.

51. 31 марта 2006 года следователь г. Нижнего Тагила отказал в возбуждении уголовного дела. В ходе доследственной проверки заявитель объяснил, что он пытался перерезать вены на правом запястье в знак протеста против жестокого задержания, и что у него нет жалоб на сотрудников, сопровождавших его в поезде. На основании этого заявления и объяснений должностных лиц и других задержанных лиц следователь пришел к выводу об отсутствии признаков жестокого обращения.

3. Предполагаемое жестокое обращение во время содержания заявителя под стражей

52. 5 апреля 2006 года заявитель был переведен в СИЗО-3 г. Нижнего Тагила.

53. По словам заявителя, в период с 14 апреля по 6 сентября 2006 года его неоднократно доставляли из СИЗО-3 в Дзержинский РОВД г. Нижнего Тагила, где ему угрожали, добиваясь того, чтобы он сотрудничал со следствием.

54. 5 июня 2006 года заявитель был переведен в медсанчасть СИЗО-3 из-за хронического бронхита. 25 сентября 2006 года он был выписан из медсанчасти.

55. По словам заявителя, во время его нахождения в медсанчасти СИЗО-3 11 июля, 15 и 23 августа 2006 года он подвергался воздействию какого-то нервно-паралитического газа с целью получения от него признательных показаний. Заявитель утверждает, что в результате воздействия газа его бронхиальная астма обострилась до хронической обструктивной болезни легких.

56. С 2007 года по 2012 год, находясь в заключении, заявитель проходил регулярное лечение хронического бронхита и хронической обструктивной болезни легких.

57. 25 февраля 2009 года заявитель обратился в Генеральную прокуратуру с жалобой на жестокое обращение в период с 14 апреля по 6 сентября 2006 года.

58. 18 апреля 2009 года следователь Дзержинского районного следственного отдела г. Нижнего Тагила Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Свердловской области (далее по тексту — «следственный отдел Дзержинского района») отказал в возбуждении уголовного дела в отношении следователя Б., расследовавшего уголовное дело заявителя. Следствием не было установлено, что следователь Б. запугивал заявителя или использовал какие-либо другие незаконные средства для получения от заявителя признательных показаний.

59. 29 ноября 2012 года, после того, как его жалоба в Суд была коммуницирована властям, начальник следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по

Свердловской области отменил решение от 18 апреля 2009 года как преждевременное. Он распорядился о проведении дополнительной доследственной проверки.

60. 9 января 2013 года старший следователь следственного отдела Дзержинского района принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела. На основании имеющихся документов и показаний следователь пришел к выводу о том, что в течение всего срока пребывания в СИЗО-3 г. Нижнего Тагила заявитель имел доступ к медицинской помощи и получал лечение в связи с бронхиальной астмой. Заявитель не имел никаких жалоб, помимо жалоб на кашель и затрудненное дыхание.

61. 4 февраля 2013 года начальник Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Свердловской области отменил вышеуказанное решение и назначил проведение дополнительной доследственной проверки.

62. 6 марта 2013 года старший следователь следственного отдела Дзержинского района вновь принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Следователь отметил, что доказательств жестокого обращения не имеется, и что заявитель никогда не упоминал о предполагаемом жестоком обращении во время производства по его уголовному делу.

63. 15 апреля 2015 года старший следователь следственного отдела Дзержинского района отклонил еще одно заявление о возбуждении уголовного дела в отношении Б. в связи с предполагаемым жестоким обращением с заявителем во время содержания под стражей.

64. 10 марта 2016 года районный суд отклонил жалобу заявителя на вышеуказанное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Суд установил, что решение от 15 апреля 2015 года являлось обоснованным.

65. 24 июня 2016 года областной суд оставил данное решение без изменений по апелляции.

В. Переписка заявителя с Судом

66. 17 июня 2013 года Европейский Суд направил заявителю письмо, содержащее комментарии властей относительно требований заявителя о справедливой компенсации и их дальнейшие замечания по делу. Письмо было отправлено заявителю для информации, и он не должен был отвечать на него.

67. По словам заявителя, он получил это письмо только 30 августа 2013 года, несмотря на то, что оно было доставлено на местное почтовое отделение 17 августа 2013 года. Конверт уже был вскрыт, а некоторые страницы отсутствовали.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Запрет на жестокое обращение и порядок рассмотрения заявления о преступлении

68. Соответствующие положения внутригосударственного законодательства о запрещении пыток и других видов жестокого обращения и о порядке рассмотрения заявлений о преступлении приводятся в постановлении Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 96-102, и в постановлении Суда от 14 ноября 2013 года по делу «Рябцев против России» (*Ryabtsev v. Russia*), жалоба № 13642/06, пункты 48-52.

Б. Вопросы, связанные с содержанием под стражей

1. Конституция Российской Федерации

68. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года требует, чтобы заключение под стражу и продление сроков содержания под стражей осуществлялись по решению суда (статья 22).

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

69. До 1 июля 2002 года уголовное производство регулировалось Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Закон от 27 октября 1960 года, далее — «старый УПК»).

70. Согласно старому УПК, никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора (часть 1 статьи 11).

71. При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого меру пресечения в том числе виде заключения под стражу (часть 1 статьи 89).

72. После ареста подозреваемый помещается под стражу «на время следствия». Максимальный разрешенный срок содержания под стражей «на время следствия» равен двум месяцам, но при «исключительных обстоятельствах» он может быть продлен на срок до восемнадцати месяцев. Продление срока осуществляется по санкции вышестоящих прокуроров (статья 97).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

74. С 1 июля 2002 года старый УПК РСФСР был заменен Уголовно-процессуальным кодексом РФ (Закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года, далее по тексту — «новый УПК»).

75. Согласно новому УПК, содержание под стражей требует судебного решения (части 1, 3-6 статьи 108).

4. Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

73. Согласно Федеральному закону «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Закон № 177-ФЗ от 18 декабря 2001 года — далее «переходный закон») постановления о заключении под стражу, вынесенные до 1 июля 2002 года, остаются действительными в течение указанных в них сроков (пункт 3 статьи 10).

5. Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации

77. Конституционный Суд РФ установил, со ссылкой на переходный закон, что несудебные постановления в отношении лишения свободы более не применяются, начиная с 1 июля 2002 года (см., помимо прочего, решение №6-Р от 14 марта 2002 года; определение №181-О от 27 мая 2004 года и определение №3-О-Р от 18 января 2011 года). Конституционный Суд также разъяснил, что постановления о заключении под стражу, вынесенные до 1 июля 2002 года, остаются в силе в течение указанного в них срока, разрешенный период содержания под стражей начинался с даты их вынесения (определение №119-О-О от 19 января 2010 года).

В. Корреспонденция осужденных лиц

78. Соответствующие положения российского законодательства изложены в постановлении Европейского Суда от 8 января 2009 года по делу «Алексеев против России» (*Alekseyenko v. Russia*), жалоба № 74266/01, пункты 49-51.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

74. Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявитель жаловался на жестокое обращение в ходе его задержания 18 марта 2006 года, во время его перевода из Екатеринбурга в Нижний Тагил 27 марта 2006 года и во время его содержания под стражей в период с 14 апреля по 6 сентября 2006 года, а также на неэффективность последующего расследования. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

75. Власти поддержали выводы внутригосударственного следственного органа и утверждали, что нарушения статьи 3 Конвенции допущено не было.

А. Приемлемость

76. Суд считает, что жалоба заявителя на жестокое обращение во время его перевода из СИЗО-1 г. Екатеринбурга в СИЗО-3 г. Нижнего Тагила 27 марта 2006 года является явно необоснованной в отсутствие *prima facie* доказательств его утверждения. В частности, из имеющихся в распоряжении Суда медицинских документов, следует, что, кроме телесных повреждений, полученных заявителем во время его задержания 18 марта 2006 года, и раны, возникшей в результате того, что заявитель порезал себе руку 27 марта 2006 года, после его перевода никаких других травм на теле заявителя не было (см. пункты 30 и 50 выше). Таким образом, данная часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

77. Что касается жалобы заявителя на жестокое обращение во время его содержания под стражей в период с 14 апреля по 6 сентября 2006 года, то Суд отмечает, что заявитель пожаловался на это внутригосударственным органам власти лишь в феврале 2009 года. Несмотря на тот факт, что после коммуницирования настоящей жалобы властям государства-ответчика в 2012 году было возбуждено уголовное дело по жалобе заявителя на жестокое обращение, ввиду отсутствия каких-либо *prima facie* доказательств жестокого обращения и объяснения, почему жалоба не могла быть доведена до сведения внутригосударственных органов власти в то время, когда от них можно было разумно ожидать расследования данных обстоятельств, Суд считает, что эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

78. Что же касается оставшейся жалобы на жестокое обращение в ходе задержания заявителя 18 марта 2006 года, Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Общие принципы

79. Применимые общие принципы были изложены Судом в постановлении Большой Палаты по делу «Бойид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09, пункты 81-88, ECHR 2015. В частности, если рассматриваемые события целиком или в большей части находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под стражей под контролем государства, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении телесных повреждений, возникших во время такого содержания под стражей. Бремя доказывания лежит на властях, которым надлежит привести достаточное и убедительное объяснение, предоставив доказательства, ставящие под сомнение представленную жертвой версию. В отсутствие такого объяснения Суд может сделать выводы не в пользу властей. Это оправдано тем, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны защищать их (там же, пункт 83). Тот же принцип применяется ко всем делам, в которых лицо находится под контролем милиции или аналогичного органа (там же, пункт 84).

80. Суд также напоминает, что согласно сложившейся прецедентной практике, применение сотрудниками милиции силы в процессе задержания лиц не является нарушением статьи 3 Конвенции, если такое применение силы является необходимым и не носит чрезмерного характера. Бремя доказывания таких обстоятельств лежит на государстве-ответчике (см. постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункты 72-78, ECHR 2000-XII; а также, среди недавних постановлений, постановление Европейского Суда от 21 января 2016 года по делу «Борис Костадинов против Болгарии» (*Boris Kostadinov v. Bulgaria*), жалоба № 61701/11, пункты 52-54).

2. Применение общих принципов к настоящему делу

(а) Обязательство государства по проведению эффективного расследования

81. Суд отмечает, что 29 марта 2006 года заявитель обратился в районную прокуратуру с жалобой на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции в ходе его задержания 18 марта 2006 года. Данный вопрос был доведен до сведения компетентных органов в то время, когда от них можно было ожидать проведения расследования данных обстоятельств.

82. Заявитель подкрепил свою жалобу медицинскими документами от 19 марта 2006 года, которые свидетельствовали о переломах восьмого и девятого ребер с левой стороны и о наличии ссадин и гематом на лице, голове, груди, спине и бедрах (см. пункты 30-32 выше). Таким образом, утверждение заявителя представлялось «небезосновательным», и внутригосударственные органы власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее вышеперечисленным требованиям статьи 3 Конвенции.

83. Суд отмечает, что внутригосударственные органы власти провели «доследственную проверку» по жалобе заявителя в соответствии со статьей 144 нового УПК (проверка по заявлению о преступлении), и 17 апреля 2006 года вынесли решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников, участвовавших в задержании заявителя, в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

84. Суд также отмечает, что после коммуницирования настоящей жалобы властям государства-ответчика в декабре 2012 года решение от 17 апреля 2006 года было отменено, и Следственное управление Свердловского района Следственного комитета по г. Перми возбудило уголовное дело по пункту «а» части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (злоупотребление властью с применением насилия) примерно через шесть лет и восемь месяцев после предполагаемого эпизода жестокого обращения.

85. В деле «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*) Суд постановил, что в делах, в которых делаются правдоподобные утверждения об обращении, запрещенном статьей 3 Конвенции, проведения одной «доследственной проверки» недостаточно для соблюдения требований эффективного расследования в соответствии со статьей 3 — органы власти должны возбудить уголовное дело и провести соответствующее расследование. Он постановил, что сам факт отказа следственных органов возбудить уголовное производство по правдоподобным утверждениям о жестоком обращении во время нахождения под контролем сотрудников милиции указывает на несоблюдение государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 (см.

постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 128-40).

86. Указанные выше выводы применимы в полном объеме и к настоящему делу. Что касается обстоятельств дела, то Суд отмечает, что сведения, которые районный следственный отдел счел достаточными для возбуждения уголовного дела 12 декабря 2012 года, имелись в распоряжении отдела вскоре после жестокого обращения с заявителем. Таким образом, ничто не может объяснить задержку в проведении расследования по жалобе заявителя в шесть лет и восемь месяцев. Суд считает, что столь длительная задержка не могла не оказать негативного влияния на ход расследования, помешав следственным органам собрать доказательства жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда от 24 мая 2016 года по делу «Манжос против России» (*Manzhos v. Russia*), жалоба № 64752/09, пункт 40, с дальнейшими ссылками). В частности, эта задержка сделала невозможным определение происхождения телесных повреждений заявителя и времени, когда они были нанесены (см. пункты 42 и 44 выше), что привело к прекращению производства по уголовному делу 12 июня 2013 года с неубедительным выводом о том, что телесные повреждения заявителя могли возникнуть во время его задержания 18 марта 2006 года в результате законного применения силы сотрудниками милиции или же при других обстоятельствах, имевших место до задержания (см. пункты 45-46 выше).

87. В свете вышесказанного Суд приходит к выводу, что значительная задержка в возбуждении уголовного дела и начале полноценного уголовного расследования по небезосновательному утверждению заявителя о жестоком обращении с ним во время нахождения под контролем сотрудников милиции, указывающем на признаки преступления, свидетельствует о несоблюдении властями своего обязательства по проведению эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение.

88. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(б) Жестокое обращение с заявителем

89. Суд отмечает, что заявитель был задержан в 23:30 18 марта 2006 года. Он утверждал, что подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, проводивших его задержание. 19 марта 2006 года, через несколько часов после задержания, при поступлении в следственный изолятор у заявителя были обнаружены ссадины и гематомы диаметром до четырех см на лице, голове, груди, спине и бедрах, а также болезненные ощущения при пальпации ребер с левой стороны. Предварительный диагноз перелома ребер был подтвержден

в тот же день после того, как заявитель прошел рентгенологическое обследование в областной больнице (см. пункты 30-32 выше). В отсутствие каких-либо доказательств того, что заявитель получил эти телесные повреждения до его задержания, власти должны были предоставить правдоподобное объяснение того, каким образом могли быть причинены эти телесные повреждения.

90. Власти сослались на выводы следственных органов о том, что заявитель мог получить эти травмы во время его задержания 18 марта 2006 года в результате законного применения силы сотрудниками милиции или же при других обстоятельствах, предшествовавших задержанию (см. пункты 45-46 выше).

91. Однако Суд отмечает, что приведенное внутригосударственными органами власти является умозрительным ввиду отсутствия доказательств относительно точного времени и происхождения телесных повреждений заявителя и, следовательно, не имеет достаточной определенности, чтобы считаться правдоподобным.

92. Учитывая умозрительный характер приведенного властями объяснения относительно причин возникновения телесных повреждений заявителя, а также учитывая, что это объяснение было основано на результатах внутригосударственного расследования, которое не отвечало требованиям статьи 3 Конвенции (см. пункт 87 выше), Суд считает, что власти не смогли снять с себя бремя доказывания и представить доказательства, способные поставить под сомнение представленную заявителем версию событий, которая подтверждается медицинскими доказательствами и которую Суд считает установленным фактом.

93. Следовательно, учитывая характер и степень телесных повреждений заявителя, Суд приходит к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в связи с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, которому подвергся заявитель в ходе его задержания 18 марта 2006 года.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

94. Заявитель жаловался на незаконность его содержания под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года. Заявитель также жаловался на то, что он не был своевременно проинформирован о причинах его задержания и о предъявленных ему обвинениях, и что он не был незамедлительно доставлен к судье и не имел возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года. Это жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения пунктов 1, 2, 3 и 4 статьи 5 Конвенции, которые гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть осуществлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

95. Власти утверждали, что содержание заявителя под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года было основано на постановлении о заключении под стражу, вынесенном следователем 2 октября 2000 года в соответствии с действовавшими положениями старого УПК. Они настаивали на том, что указанное постановление о заключении под стражу оставалось в силе в течение указанного в нем срока, начиная с даты задержания заявителя 18 марта 2006 года. Они ссылались на пункт 3 статьи 10 Переходного закона, и на определения Конституционного Суда № 119-О-О от 19 января 2010 года и № 3-О-Р от 18 января 2011 года (см. пункты 73-**Ошибка! Источник ссылки не найден.** выше).

96. Заявитель утверждал, что постановление о заключении под стражу от 2 октября 2000 года 2006 году уже утратило свою силу. Он настаивал на том, что его содержание под стражей без судебного решения в период с 18 марта по 18 мая 2006 года являлось нарушением Конституции Российской Федерации и нового УПК, вступившего в силу 1 июля 2002 года.

1. Приемлемость жалобы

97. Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

98. Суд повторяет, что выражения «законный» и «в установленном законом порядке» в пункте 1 статьи 5 Конвенции относятся непосредственно к внутригосударственному праву и указывают на обязательство соответствовать его материальным и процессуальным нормам. Толкованием внутригосударственного права и, в частности, норм процессуального характера должны в первую очередь заниматься национальные власти, в частности, суды, и Суд не должен подменять их толкование своим собственным при условии, что это толкование не является произвольным. Однако, поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции несоблюдение внутригосударственного законодательства влечет нарушение положений Конвенции, то Суд может и должен осуществить некоторые полномочия по рассмотрению вопроса о соблюдении этого законодательства (см. постановление Суда от 10 августа 2006 года по делу «Тошев против Болгарии» (*Toshev v. Bulgaria*), жалоба № 56308/00, пункт 58).

(б) Применение общих принципов к настоящему делу

99. Суд отмечает, что 2 октября 2000 года следователь районной прокуратуры вынес постановление о заключении заявителя под стражу. Конкретных сроков содержания заявителя под стражей установлено не было, но была сделана ссылка на статью 97 старого УПК, которая предусматривала, что первоначальный срок содержания под стражей в ходе расследования уголовного дела не может превышать двух месяцев.

100. Поскольку местонахождение заявителя оставалось неизвестным до 18 марта 2006 года, заявитель был задержан и помещен под стражу на основании постановления о заключении под стражу от 2 октября 2000 года лишь в этот день. Возникает вопрос о том, могло ли рассматриваемое постановление о заключении под стражу служить правовым основанием для содержания заявителя под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года.

101. Суд отмечает, что за то время пока устанавливалось местонахождение заявителя в период с 2000 по 2006 год, внутригосударственное законодательство, регулирующее процедуру

применения мер пресечения, изменилось. А именно, 1 июля 2002 года вступил в силу новый УПК, который предусматривает, что мера в виде содержания под стражей может быть назначена только судом (см. пункт **Ошибка! Источник ссылки не найден.** выше). Однако внутригосударственный суд счел, что, поскольку постановление о заключении под стражу от 2 октября 2000 года было вынесено в порядке, предусмотренном действовавшим в то время старым УПК РФ для применения меры в виде заключения под стражу, содержание заявителя под стражей на основании этого постановления являлось законным (см. пункт 20 выше). Власти также утверждали, что указанное постановление о заключении под стражу от 2 октября 2000 года оставалось в силе в течение указанного в нем срока, а именно начиная с даты задержания заявителя 18 марта 2006 года.

102. Суд обращается к внутригосударственному законодательству и отмечает, что в соответствии с Переходным законом постановления о заключении под стражу, вынесенные до 1 июля 2002 года, продолжали действовать в течение указанного в них срока (см. пункт 73 выше). Он также отмечает разъяснение Конституционного Суда о том, что срок, указанный в таких постановлениях о заключении под стражу, исчислялся не с даты задержания лица, как утверждают власти, а с даты вынесения соответствующего постановления о заключении под стражу (см. пункт **Ошибка! Источник ссылки не найден.** выше).

103. В свете вышеизложенного Суд полагает, что, допустив, что ссылка на статью 97 старого УПК в постановлении о заключении под стражу от 2 октября 2000 года может квалифицироваться как надлежащее указание срока содержания заявителя под стражей, рассматриваемое постановление о заключении под стражу действовало только до 2 декабря 2000 года и не могло служить основанием для содержания заявителя под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года.

104. Из этого следует, что содержание заявителя под стражей в течение указанного периода «не соответствовало порядку, предусмотренному законом». Таким образом, имело нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Б. Другие предполагаемые нарушения статьи 5 Конвенции

105. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, доводы сторон и свои выводы в отношении подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Суд считает, что он рассмотрел основные правовые вопросы с точки зрения статьи 5 Конвенции, в связи с чем он не видит необходимости в вынесении отдельного постановления по другим жалобам основанным на тех же фактах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых

ресурсов от имени Валентина Кампеану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*), жалоба № 47848/08, пункт 156, ECHR 2014, с дальнейшими ссылками).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель жаловался на то, что он не был своевременно проинформирован о характере и причине предъявленных ему обвинений и что это повлияло на его подготовку к защите. Он ссылаясь на статью 6 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное слушание дела... [a] судом...

...

3. Всякий обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: ...

(a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

...»

107. Власти утверждали, что 27 апреля 2006 года заявитель был ознакомлен с постановлением следователя от 2 октября 2000 года о его привлечении к делу в качестве обвиняемого, и что на допросе, состоявшемся в тот же день, заявитель подтвердил, что он полностью понимает суть предъявленных ему обвинений. 4 августа 2006 года заявителю были предъявлены пересмотренные обвинения, о которых он был уведомлен в тот же день и подтвердил, что он полностью их понимает. 31 августа 2006 года заявитель изучил материалы дела и подписал соответствующий протокол. В ходе судебного разбирательства заявитель не жаловался на то, что у него не было достаточно времени или возможностей для подготовки к своей защите.

108. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

109. Суд напоминает, что требования пункта 3 статьи 6 Конвенции должны рассматриваться как специфические аспекты права на справедливый суд, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., постановление Большой Палаты Европейского Суда от 2 ноября 2010 года по делу «Сахновский против России» (*Sakhnovskiy v. Russia*), жалоба № 21272/03, пункт 94; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шатшашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/10, пункт 100, ECHR 2015). Право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6, является безоговорочным. Однако, вопрос о том, что представляет собой справедливое судебное

разбирательство, не может быть определен одним неизменным правилом, а зависти от обстоятельств каждого конкретного дела. Первоочередной задачей Европейского Суда согласно пункту 1 статьи 6 является оценка общей объективности уголовного судопроизводства (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08 и 3 другие жалобы, пункт 250, ECHR 2016).

110. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что заявитель был проинформирован о постановлении о привлечении его к делу в качестве обвиняемого, что никаких следственных действий не проводилось до тех пор, пока заявитель не был уведомлен о соответствующем постановлении, что впоследствии заявитель был проинформирован о пересмотре предъявленных ему обвинений, изучил все материалы дела до того, как они были переданы в суд, и получил копию обвинительного заключения.

111. С учетом вышеизложенного и в отсутствие каких-либо объяснений со стороны заявителя относительно того, как предполагаемое ограничение его прав нанесло непоправимый ущерб общей справедливости разбирательства по его делу, Суд считает, что эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 8 И 34 КОНВЕНЦИИ

112. Заявитель жаловался на то, что письмо Суда от 17 июня 2013 года было вскрыто и изучено тюремной администрацией и передано ему с задержкой в две недели. Суд считает, что данная жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения статей 8 и 34 Конвенции, которые гласят:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение ... его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые

утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

113. Власти утверждали, что в период с июня 2011 года по апрель 2014 года заявитель отбывал наказание в тюремной больнице ОБ-1 в Свердловской области. Журнал поступающей корреспонденции этого учреждения не содержал записи о получении письма из Суда от 17 июня 2013 года. Исходящая корреспонденция заявителя направлялась в Суд в сроки, предусмотренные внутригосударственным законодательством. Поступающая корреспонденция регистрировалась надлежащим образом и передавалась заявителю в запечатанных конвертах под роспись. В частности, когда заявитель отбывал наказание в период с августа 2007 года по март 2014 года, он отправил в Суд двадцать семь писем и получил семь писем в ответ. Заявитель не обращался во внутригосударственные суды с жалобами на предполагаемое препятствование осуществлению его права на уважение его корреспонденции и его права на подачу жалобы в Суд.

114. Заявитель настаивал на том, что он получил письмо Суда от 17 июня 2013 года лишь 30 августа 2013 года. Он представил конверт Суда с почтовым штемпелем города, в котором находилась тюремная больница, датированный 17 августа 2013 года. На конверте также имеется рукописная отметка заявителя, «получено 30 августа 2013 года». Заявитель утверждал, что в письме отсутствовали некоторые страницы. Он также представил список из двенадцати писем, полученных им из Суда в период с августа 2007 года по март 2014 года.

А. Статья 8 Конвенции

115. Суд отмечает, что в аналогичных делах он требовал, чтобы с момента вступления в силу Закона № 161-ФЗ от 8 декабря 2003 года заявитель, находящийся под стражей, подавал жалобы на просмотр его корреспонденции с Судом во внутригосударственные суды, чтобы добиться рассмотрения его жалобы по существу (см. постановление Суда от 8 января 2009 года по делу «Алексеев против России» (*Alekseyenko v. Russia*), № 74266/01, пункт 90, и постановление Суда от 12 февраля 2013 года по делу «Ефименко против России» (*Yefimenko v. Russia*), жалоба № 152/04, пункт 154). Вместе с тем он отмечает, что в материалах дела нет ничего, что указывало бы на то, что заявитель обращался во внутригосударственные суды с жалобами на предполагаемый просмотр письма Суда от 17 июня 2013 года сотрудниками тюрьмы.

121. Следовательно, жалоба на нарушение статьи 8 Конвенции должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35

Конвенции в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

Б. Статья 34 Конвенции

116. Прежде всего, Суд отмечает, что жалоба на нарушение статьи 34 Конвенции носит процессуальный характер и, следовательно, не затрагивает какие-либо вопросы о ее приемлемости согласно Конвенции (см. постановление Суда от 19 июня 2014 года по делу «Шехов против России» (*Shekhov v. Russia*), жалоба № 12440/04, пункт 57, с дальнейшими ссылками).

117. Кроме того, Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальной жалобы, установленной статьей 34, крайне важно, чтобы заявитель мог беспрепятственно общаться с учреждениями Конвенции без какого-либо давления со стороны властей с целью вынудить заявителя отозвать или изменить свои жалобы. В этом контексте понятие «давление» включает в себя не только прямое принуждение и явные акты запугивания, но также и иные ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы разубедить или лишить заявителей желания воспользоваться конвенционным средством правовой защиты (см. постановление Большой Палаты по делу «Константин Маркин против России» (*Konstantin Markin v. Russia*), жалоба № 30078/06, пункт 158, ECHR 2012 (извлечения)).

118. Важно уважать конфиденциальность переписки Суда с заявителями, поскольку она может содержать обвинения в отношении администрации места содержания под стражей или должностных лиц. Вскрытие писем, полученных от Суда или адресованных ему, безусловно, приводит к тому, что письма могут быть прочитаны и, предположительно, в отдельных случаях может возникать риск репрессий со стороны тюремного персонала в отношении такого заключенного. Поэтому, вскрытие писем сотрудниками мест содержания под стражей может препятствовать заявителям в изложении своей позиции в Суде (см. упоминаемое выше постановление по делу «Шехов против России», пункт 59).

119. В настоящем деле, по словам властей, заявитель получил из Суда семь писем в период с августа 2007 года по март 2014 года (письмо от 17 июня 2013 года в их число не входило), в то время как заявитель представил список из двенадцати писем, полученных им в течение того же периода. Представленный заявителем список совпадает с записями Суда о его переписке с заявителем. Несмотря на то, что несоответствие между списками писем вызывает сомнения относительно точности записей, использованных властями (см. постановление Суда от 30 ноября 2004 года по делу «Кляхин против

России» (*Klyakhin v. Russia*), жалоба № 46082/99, пункт 121), Суд отмечает, что заявитель не утверждает о том, что тюремная администрация не передала ему письмо от 17 июня 2013 года. В первую очередь он жалуется на то, что письмо было передано ему тюремной администрацией с двухнедельной задержкой и что, когда он получил его, оно уже было вскрыто и некоторые страницы отсутствовали.

120. Суд отмечает, что тот факт, что тюремная администрация не вела полноценный и точный учет корреспонденции заявителя, может создать для него некоторые трудности в доказывании, в частности, даты получения им данного письма. Тем не менее, Суд считает, что в деле не имеется достаточных фактических оснований, позволяющих прийти к выводу о том, что имело место какое-либо необоснованное вмешательство со стороны государственных органов в осуществление заявителем права на подачу жалобы в рамках разбирательства в Суде. В частности, Суд не может согласиться с тем, что представленных заявителем доказательств достаточно для подтверждения его утверждений о том, что письмо было просмотрено тюремной администрацией (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Ефименко против России», пункты 131-32 и 162). Более того, даже если допустить, что письмо было доставлено заявителю с задержкой в две недели, Суд не считает, что такая задержка сама по себе могла привести к нарушению обязательства государства по статье 34 Конвенции.

121. Таким образом, Суд приходит к выводу, что государство-ответчик выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции.

V. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

122. Заявитель подал ряд других жалоб на нарушения статей 3, 6, 8 и 34 Конвенции, связанных с его медицинским лечением, уголовным судопроизводством в его отношении и с его перепиской с Судом.

123. Суд изучил эти жалобы в изложении заявителя. Однако, в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов и в той мере, в которой вопросы, ставшие предметом жалоб, находятся в пределах его компетенции, Суд считает, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или в Протоколах к ней. Из этого следует, что данная часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

125. Заявитель требовал 402 361 евро в качестве компенсации материального ущерба, включая потерю дохода с 2006 года, стоимость предположительно конфискованного автомобиля и потерю права на проживание в муниципальном жилье. Заявитель также требовал 122 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

126. Власти оспорили эти требования как не подтвержденные какими-либо документами и не связанные с предполагаемыми нарушениями Конвенции.

127. Суд не усматривает какой-либо причинной связи между признанными нарушениями и требуемой компенсацией материального ущерба; следовательно, Суд отклоняет данное требование.

128. С другой стороны, проведя оценку на справедливой основе в свете имеющихся в его распоряжении материалов, Суд присуждает заявителю 19 500 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

129. Заявитель также требовал 1 220 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств во внутригосударственных судах. Заявитель не представил никаких доказательств в поддержку своих требований.

130. Власти утверждали, что требование заявителя является необоснованным, и предложили Суду отклонить его.

131. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, учитывая имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд отклоняет требование заявителя о возмещении судебных расходов и издержек, предположительно понесенных им в ходе разбирательств во внутригосударственных судах.

В. Проценты за просрочку платежа

132. Европейский Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *признал* жалобы на жестокое обращение с заявителем в ходе его задержания 18 марта 2006 года и непроведение внутригосударственными органами власти эффективного расследования, а также жалобы, поданные на основании подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении законности содержания заявителя под стражей в период с 18 марта по 18 мая 2006 года, приемлемыми, а остальную часть жалобы — неприемлемой;
2. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном и материальном аспектах;
3. *постановил*, что было допущено нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что отсутствует необходимость в рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 5 Конвенции, поданных заявителем на основании тех же фактов;
5. *постановил*, что государство-ответчик выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции;
6. *постановил*,
  - (а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявителю в качестве компенсации морального вреда сумму в размере 19 500 (девятнадцать тысяч пятьсот) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, переведенную в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

7. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление направлено в письменной форме 5 марта 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Алина Полачкова
Председатель